

Сумерки окончательно сгустились, и в главном зале Обители Небесного Дао воцарился таинственный полумрак.

Принцесса Мёки всё так же мягко и едва уловимо улыбалась, однако держалась она на удивление непринужденно.

На душе у Сэймэя по-прежнему было беспокойно.

— Уже поздно, господин Сэймэй. Вы, должно быть, изрядно утомились, пока преодолевали мою лабиринтовую сеть, — промолвила Мёки. — Почему бы вам не разделить со мной трапезу? Я велю сикигами подать вино и закуски. Прошу вас, подождите немного.

— Не утруждайте себя. Сейчас меня заботит лишь судьба Хиромасы, — прохладно отозвался Сэймэй.

— Неужели господин Сэймэй всегда так холоден и предпочитает держать людей на таком расстоянии? — вздохнула Мёки. — Что ж, воля ваша. Но от угощения отказываться негоже. Байфэн, Цинлуань, несите вино и яства!

Не успел Сэймэй заметить, как две нефритовые флейты в руках принцессы вновь обратились в прелестных служанок. Выскользнув из-за шелковых ширм, они беззвучно расставили на низком столике кувшины с вином и изысканные угощения.

— Ступайте. Здесь вы больше не нужны, — приказала Мёки. — Немедленно возвращайтесь во временный дворец, пока отсутствие принцессы Тан не вызвало подозрений.

Цинлуань послушно склонила голову и поспешила прочь.

Байфэн же, напротив, задержалась. Прежде чем уйти, она одарила Сэймэя яростным, полным скрытой неприязни взглядом.

— Госпожа, — нерешительно заговорила Байфэн, — для отвода глаз хватит и Цинлуань, принявшей ваш облик. Позвольте мне остаться и прислуживать вам. Мое сердце не на месте, когда вы здесь совсем одна.

— Довольно, ступай вслед за ней, — мягко, но непреклонно возразила Мёки. — Обо мне беспокоиться не нужно.

— Слушаюсь, — прошептала Байфэн.

Уходя, она вновь метнула в сторону Сэймэя такой ядовитый взор, словно желала испепелить его на месте.

Проводив взглядом служанок, Мёки негромко рассмеялась.

— Пусть это и не великое сокровище, но все же первосортное вино «Нюйэр хун» прямиком из Великой Тан. Закуски, признаться, простоваты — я с детства предпочитаю скромную и легкую пищу, так что прошу простить меня за столь скромный прием.

Принцесса наполнила чашу Сэймэя до самых краев, а затем плеснула вина и себе.

Лицо Сэймэя по-прежнему оставалось бесстрастным, он лишь молча созерцал свою собеседницу.

— Что же вы? Бойтесь пригубить? — Мёки дразняще и лукаво усмехнулась. — Неужели опасаетесь яда?

Вместо ответа Сэймэй поднял чашу и осушил её одним глотком.

Мёки тихо улыбнулась и вновь наполнила его кубок.

— Это вино весьма крепкое, — заметила она, — под стать неукротимому и гордому нраву дочерей Тан. Оттого вам стоит отведать угощений, дабы умерить хмель. Попробуйте стряпню моих сикигами. До моего мастерства им, конечно, далеко, но это все же лучше, чем оставаться голодным.

С этими словами Мёки изящным движением поднесла палочками кусочек кушанья к своим губам.

Сэймэй промолчал, но последовал её совету, бережно отправив в рот немного угощения.

— И впрямь уступает вашему искусству, — согласился он, — но вкус весьма недурен.

Мёки загадочно прищурилась:

— Интересно, знает ли господин Сэймэй, что в жилах Минамото-но Хиромасы тоже течет божественная искра сакрального духа?

Онмёдзи лишь тонко улыбнулся и, не проронив ни слова, продолжил неспешно дегустировать яства.

Мёки тихо, но глубоко вздохнула, не сводя с него глаз.

— Если бы этот простодушный юноша не обладал столь могучей духовной сущностью, то как

бы он смог стать защитником Хэйан-кё? И чем бы заслужил столь преданную привязанность великого Абэ-но Сэймэя?

— Стало быть, именно эта великая сила, сокрытая в Хиромасе, и привела вас сюда? — спросил Сэймэй.

— Пожалуй, отрицать это бессмысленно, — кивнула Мёки. — Однако в том кроется лишь малая доля правды.

С этими словами принцесса взяла с тарелки изящное зеленое пирожное. Стоило её тонким пальцам слегка сжать его, как раздался едва слышный щелчок. Пышная корочка поддалась, явив взору белоснежную, нежную, точно полированный нефрит, сердцевину.

С нежной полуулыбкой на лице Мёки поднесла это воздушное лакомство к самым губам онмёдзи.

— Это лакомство называют «Ледяное сердце в нефритовом кувшине». Его рецепт зародился в далеких обителях бессмертных. В нем нет приторной сладости, лишь тонкий аромат и безупречная прохладная мягкость.

Сэймэй не ответил, но приоткрыл уста и осторожно принял подношение, позволяя нежному вкусу раскрыться на языке.

— Воистину чудесно, — проговорил он, распробовав угощение. — Словно чистый лед в сияющем нефритовом сосуде — поэты не лгали. Однако вы все это время ухаживали лишь за мной, принцесса. Позвольте и мне проявить заботу, не обделяйте себя.

Мёки изящно улыбнулась и сама отправила кусочек пирожного в рот.

— Наберитесь терпения, господин Сэймэй. Позвольте мне не торопясь поведать вам предысторию этой загадки.

Онмёдзи слегка улыбнулся, продолжая с невозмутимым видом потягивать вино и вкушать легкие закуски.

Мёки плеснула в его чашу еще немного рубиновой влаги и начала свой неспешный рассказ:

— Должно быть, вам известно, господин онмёдзи, что моя матушка, принцесса Пяньсянь, была дочерью древнего владыки кошачьих духов Синбо Тайяня. В те далекие времена она и ваша матушка, белая лисица Кузуноха, поклялись друг другу в названом сестринчестве.

— Да, мне ведом этот союз, — кивнул Сэймэй.

— Несколько десятилетий назад матушка, будучи еще юной и весьма ветреной, втайне покинула родные чертоги ради забавы. По неосторожности она забрела на земли, принадлежавшие воинственному клану собак — извечных кошачьих недругов.

— Весьма опрометчивый шаг, — заметил Сэймэй. — Вражда между собачьими и кошачьими племенами уходит корнями в глубокую древность.

— Именно так, — вздохнула Мёки. — Матушка тотчас приняла обличье белой кошки и попыталась скрыться, но вожак собачьих духов преобразился в свирепого пса. Он гнал её без устали и жестоко ранил. Её жизнь уже висела на волоске, когда на лесной тропе неожиданно появился принц Ли, прибывший из Великой Тан с императорским посольством.

— Так вот как суждено было встретиться вашим родителям.

— Да. Принц Ли разогнал стаю псов, бережно подобрал израненное белое создание и сам омыл её раны целебными снадобьями.

— Сюжет, достойный старинных легенд, — с легкой иронией промолвил Сэймэй. — Прекрасные девы во все времена благоволили отважным спасителям.

Мёки понимающе улыбнулась и продолжила:

— Оправившись от ран, матушка тайком вернулась в обитель кошачьих духов. Однако образ прекрасного чужеземца навсегда запечатлелся в её сердце. Не в силах совладать с тоской, она вновь пробралась в мир людей, чтобы выразить ему свою признательность. Принц Ли, узрев её истинный облик, застыл в безмолвном восхищении, посчитав эту встречу величайшим даром небес. Вскоре он просил её руки. Тронутая его искренностью и желая отплатить за спасение жизни, матушка покинула отчий дом и отправилась вместе с супругом на его родину, в далекие пределы Великой Тан.

— Так вот как благородная кошачья дева оказалась в Танской империи, — пробормотал Сэймэй.

Мёки устремила на онмёдзи долгий, задумчивый взгляд:

— К тому времени первая супруга отца давно почила, оставив ему двоих малолетних сыновей. Вопреки яростному ропоту императорской родни, отец твердо вознамерился сделать матушку своей законной женой и княгиней. Она заменила мать моим старшим братьям, а спустя время на свет появилась я. Мой отец души во мне не чаял. Каждому встречному он твердил, что небеса ниспослали ему бесценное сокровище в лице его третьей дочери — принцессы Ли Юймья.

Сэймэй тихо вздохнул и вновь осушил чашу до дна.

— Вам досталось счастливое детство, — негромко произнес он. — Свои ранние годы я помню смутно. В моей памяти уцелели лишь разрозненные, ускользающие осколки тех лет.

— Забвение порой благословенно, — отозвалась Мёки. — Обретение и потеря, явь и хмельной сон — грани между ними тонки, и разглядеть их непросто. Увы, союзы смертных и могучих духов редко приносят покой. Рано или поздно за мимолетное счастье приходится платить.

— Значит, безмятежные дни подошли к концу? — спросил Сэймэй.

— Увы, счастье наше оказалось недолговечным. Спустя несколько лет мой дед, Синбо Тайань, отыскал нас в Танской империи. Побег матушки в свое время привел его в ярость. Будучи главой кошачьих духов, он и слышать не желал о том, чтобы его дочь делила ложе со смертным мужем.

— И что же произошло?

— Он явился с непреклонным намерением вернуть её в обитель кошачьих духов. К тому же дед чувствовал, что его собственный земной срок подходит к концу. Матушка должна была унаследовать его титул и принять бремя правления над кланом.

— И принцесса Пяньсянь подчинилась воле отца?

Мёки покачала головой:

— В тот день я вернулась в поместье и застала сцену, полную горьких слез. Отец, матушка и братья рыдали, обнявшись, точно перед лицом вечной разлуки. Сердце моё разрывалось от этого зрелища. Не выдержав, я решила вмешаться и, уповая на свои скромные познания в тайных искусствах, дерзнула бросить вызов собственному деду.

— Неужели вам удалось одолеть древнего духа?

Мёки печально улыбнулась:

— Разумеется, силы были неравны, и я потерпела сокрушительное поражение. Но дед не разгневался, напротив — его восторгу не было предела. Он всегда презирал людей за отсутствие сакрального духа и считал их недостойными нашего племени. Но он и помыслить не мог, что дитя смертного мужа и кошачьей принцессы унаследует столь колоссальную духовную мощь. Тогда он предложил сделку: если я соглашусь занять его место и стать следующей главой клана после его кончины, он оставит матушку в покое и позволит ей остаться с мужем.

— Вот, значит, какова цена вашей власти, — задумчиво произнес Сэймэй. — Позвольте спросить, сколько же лет вам было тогда?

Принцесса уклонилась от ответа, лишь лукаво сощутив глаза:

— Ради спасения матушки я без колебаний приняла его условия.

— И теперь великого Синбо Тайаня более нет среди живых? — спросил Сэймэй.

— Верно. Иначе мне бы не пришлось прибыть в Хэйан-кё, дабы принять бразды правления, — подтвердила Мёки.

Сэймэй тихо вздохнул и вежливо наполнил вином кубок принцессы.

Мёки кивком поблагодарила его и продолжила:

— Перед кончиной дед, следуя священному обычаю нашего племени, принес всю свою вековую духовную силу в дар Кошачьему богу. С того самого мгновения я и стала владычицей нашего клана — госпожой Мёки.

— Что ж, примите мои поздравления, владычица, — с мягким поклоном произнес онмёдзи. — Ныне под вашим началом находится одно из могущественнейших скрытых племен.

Но на лице принцессы не отразилось радости, она нахмурилась.

— Увы, это бремя мне не по душе, — со вздохом призналась она. — С ранних лет мое сердце стремилось лишь к постижению Дао. Истинный покой и свобода духа — вот о чем я грезил. В детстве мне посчастливилось учиться у великих наставников, постигая сокровенные законы мироздания. Став старше, я отправилась странствовать по свету в поисках просветления. Но девице царской крови путешествовать не пристало, и тогда верными помощницами мне стали мои флейты. Принимая облик юноши по имени Юй-лан, я вместе с Байфэн пускалась в путь, в то время как верная Цинлуань принимала мой облик и благонаравно оставалась в поместье, притворяясь, будто читает священные свитки.

Сэймэй с легкой усмешкой приподнял бровь:

— Полагаю, у этого мужского обличия находились и иные, не менее полезные применения?

Мёки кокетливо прикрыла рот широким шелковым рукавом и мелодично рассмеялась:

— О, вы проникательны! Юй-лан превосходно избавлял меня от назойливых соискателей моей руки. Всякий раз, когда к принцессе сватался очередной знатный жених, мой названный «брат» вызывал его на состязание в искусствах. В итоге выходило так, что единственным достойным супругом для меня оставался сам Юй-лан.

— Стало быть, настойчивые вызовы, которые господин Юй-лан бросал мне, были лишь проверкой? — с улыбкой поинтересовался Сэймэй. — Неужели принцесса Мёки решала, стоит ли ей выйти за саму себя?

— Именно так, — вздохнула Мёки. — Увы, господин Сэймэй только что разрушил эту изящную игру, одержав верх.

— Я лишь распутал хитросплетения вашего заклатья, — скромно возразил онмёдзи. — Впрочем, вся человеческая жизнь подобна сложной партии на доске го или магическому кругу. Но многим ли дано вырваться за пределы, очерченные самой судьбой?

— Золотые слова. Позвольте мне осушить чашу за вашу мудрость, господин Сэймэй.

Сэймэй выпил вино, но, опустив кубок на стол, посмотрел на собеседницу с предельной серьезностью:

— Признателен вам за столь удивительную повесть, принцесса. Однако я все еще не улавливаю связи между делами минувших дней и заточением Хиромасы.

Лицо Мёки утратило былую веселость, взгляд сделался холодным и сосредоточенным.

— Поверьте, у меня не было ни малейшего желания обременять себя титулом владычицы кошачьих духов, — медленно произнесла она. — Но рок не оставил мне выбора. Стоило деду уйти в мир иной, как долг призвал меня в Хэйан-кё. Танский император, без памяти любящий свою дражайшую сестру, наотрез отказался отпускать её в путь, покуда в вашей столице не будет возведен роскошный загородный дворец. Ждать столь долго я не могла. Поэтому мне пришлось оставить Цинлуань в Танской империи изображать принцессу, а самой вместе с Байфэн тайно явиться сюда, дабы взойти на престол кошачьих духов.

— Выходит, император Мураками созвал лучших зодчих и потратил столько казны ради того, чтобы поселить в новоявленном чертоге всего лишь вашего сикигами? — покачал головой Сэймэй.

— Когда я официально приняла власть над кланом и заслужила покорность всех кошачьих старейшин, наступил черед древнего ритуала. По нашему закону, новый предводитель обязан преподнести великому Кошачьему богу дань. Тот выкуп, который божество потребует самолично.

— И каково же было желание вашего грозного покровителя? — спросил онмёдзи.

Мёки едва заметно улыбнулась. Она заглянула Сэймёю прямо в глаза и отдельно, веско произнесла:

— Кошачий бог изрек свою волю. Его данью должен стать... сакральный дух клана собак.

— Дух-хранитель презираемых псов? — нахмурился Сэймэй. — Неужели ваш бог вознамерился окончательно истребить извечных соперников?

Мёки тихо рассмеялась:

— Помыслы богов сокрыты от взора смертных. Услышав это веление, даже наши почтенные старейшины побледнели от ужаса и принялись умолять божество явить милость и отменить приказ.

— Наверняка у него были на то веские причины, — задумчиво протянул Сэймэй.

— Верно, — согласилась Мёки. — Наш бог убежден, что именно проклятый дух собак повинен во всех несчастьях. Ведь если бы не его нападение, кошачья принцесса никогда бы не связала свою жизнь со смертным мужем, а нынешняя владычица — то есть я — не несла бы в себе ущербную получеловеческую кровь. Божество поставило жесткое условие: ежели я не смогу добыть эту дань, мне придется отречься от престола и вернуть всю дарованную мне силу. Ибо полукровка недостойна править чистокровным кланом.

— Но лишиться этой силы для вас равносильно гибели, — твердо произнес Сэймэй.

— Истинно так. Кому, как не сыну белой лисицы, знать законы нашего бытия, — кивнула Мёки.

— И какое же решение вы приняли, принцесса?

— У меня не оставалось выбора. Я пообещала исполнить волю божества и в сопровождении Байфэн отправилась прямиком во владения вражеского клана.

Онмёдзи покачал головой и невольно улыбнулся:

— Ваша отвага поистине внушает трепет.

— Трепет? Из ваших уст это едва ли звучит как похвала, — усмехнулась Мёки. — К моему величайшему разочарованию, собачье племя давно пришло в полнейший упадок. Я без особого труда одолела вожаков всех четырех великих родов — рыжих, белых, пестрых и черных псов. И лишь тогда узнала, что у них больше нет верховного покровителя. Их сакральный дух, некогда воплощавшийся в предводителе черных псов, загадочным образом сгинул еще несколько десятилетий назад.

— Стало быть, вы оказались не в силах исполнить волю божества? — спросил Сэймэй.

— О, не стоит недооценивать мои возможности, — протянула принцесса, прищурив глаза. — Смерть — вовсе не преграда. Разве в этом мире нет чертогов, куда отправляются все ушедшие души?

— Неужели вы отважились обратиться к самому Тайдзану Фукуну? — потрясенно спросил Сэймэй.

— Именно. В ваших землях нитями жизни и смерти ведаёт Тайдзан Фукун. К нему-то я и направились за ответами. И владыка загробного мира поведал мне, что мятежный дух собак давно переродился в человеческом обличье и ныне зовется защитником Хэйан-кё.

— Не думал, что вам ведом путь в его мрачные чертоги, — заметил Сэймэй.

— Великий Тайдзан Фукун, чье имя трепетно шепчут в вашей стране — лишь одно из земных воплощений верховного владыки Восточного пика, Дунъюэ-дади, которого почитают в Великой Тан. А мой почтенный наставник издавна водит с ним крепкую дружбу.

— И подземный владыка без колебаний выдал вам местонахождение беглеца?

Мёки покачала головой и тихо рассмеялась:

— Как ни странно, нет. Сперва мне показалось, будто Тайдзан Фукун намеренно утаивает от меня правду. Лишь позже я уразумела, в чем крылась истинная причина его молчания. И виной всему были вы, господин Сэймэй.

— Неужели? При чем же здесь я?

— Мне пришлось прибегнуть к сложнейшим гаданиям по движению звезд, чтобы докопаться до истины. И тогда мне открылось невероятное: оказывается, некогда великий онмёдзи Абэ-но Сэймэй совершил запретный Ритуал Повелителя горы Тай, поставив на кон собственную жизнь ради спасения простого смертного! И, надо признать, грозный владыка мертвых остался в величайшем восторге от вашего ритуального танца.

— Выходит, Хиромаса... действительно перевоплощение древнего духа собак, — проговорил Сэймэй, и голос его слегка дрогнул.

— Воистину так, — кивнула Мёки. — Вы двое — лисий сын и собачий дух — воистину неразлучная парочка, хранящая покой этой столицы. Но долг перед кланом обязывает меня совершить задуманное. У меня не оставалось иного выхода, кроме как забрать душу благородного Хиромасы и принести её на алтарь Кошачьего бога.

Сэймэй горько усмехнулся и покачал головой:

— Жизнь и смерть — лишь призрачный сон, сменяющий один другой. Стоит ли цепляться за земные условности, принцесса? Неужели нет иного пути, кроме как принести Хиромасу в жертву вашей верности древнему долгу?

Принцесса оставила его вопрос без ответа. Она лишь сделала паузу и тихо, с нажимом спросила:

— Неужели ради спасения своего верного друга вы готовы пойти на любое безумство, господин Сэймэй?

Онмёдзи прямо встретил её взгляд и отдельно, со всей решимостью произнес:

— На любое.

Мёки тихо вздохнула, но в её глазах вновь вспыхнули веселые искорки:

— Что ж, в таком случае вам придется отправиться в обитель кошачьих духов и самолично исполнить волю нашего божества.

— Волю божества? Какую же? — нахмурился онмёдзи.

— Душа Хиромасы уже покоится в чертогах Кошачьего бога, и вернуть её обычным путем невозможно. Однако мы можем попытаться снять с неё божественную печать.

— И у вас есть способ разрушить это запечатление?

— Единственный путь к спасению — совершить великое свадебное подношение. Божество смилуется и снимет оковы лишь тогда, когда предводительница клана вступит в священный союз.

Сэймэй невольно отшатнулся, и на его лице отразилось искреннее изумление:

— Какая еще свадьба?

— Свадебный обряд, угодный нашему божеству! — с торжественной улыбкой провозгласила Мёки.

Сэймэй мгновенно посерьезнел, лицо его сделалось мрачнее грозовой тучи.

Заметив его перемену, Мёки сухо усмехнулась, и её собственный взгляд наполнился льдом:

— Что такое? Неужели вы считаете, что дочь танского принца Ли Юймёя настолько дурна собой или недостойна великого Абэ-но Сэймэя?

Краска смущения вопреки обыкновению выступила на бледных щеках онмёдзи. Он торопливо проговорил:

— Нет... уверяю вас, я вовсе не это имел в виду. Мои мысли сейчас заняты лишь тем, как отыскать тайную тропу, ведущую в обитель вашего племени.

Принцесса медленно поднялась со своего места, разглаживая складки роскошных одежд, и холодно произнесла:

— Помните ли вы прекрасный бутон пиона, что я преподнесла вам при нашей прошлой встрече? Этот цветок — мой почтовый сикигами. Держите его при себе, и он сам укажет вам дорогу в наши чертоги. Я буду с нетерпением ожидать вашего визита в обители кошачьих духов, господин Сэймэй.

С этими словами она развернулась и легкой, бесшумной походкой покинула главный зал обители Небесного Дао. Не успел Сэймэй сделать и шага, как её силуэт растаял в ночной прохладе, словно утренний туман.

Онмёдзи медленно поднялся со своего места и устремил взор на темнеющий небосвод.

«Уже рассветает...»

Сэймэй сжал ладонь в кулак, и в его душе крепла нерушимая решимость.

«Хиромаса, друг мой. Верь мне. Кем бы ни была принцесса Мёки — коварным врагом или невольной союзницей, — я не отступлюсь. Пусть обитель кошачьих духов окажется сущим пеклом, кишасим чудовищами, я пройду его до конца и верну твою душу».

Абэ-но Сэймэй вновь привычно и лукаво улыбнулся. Уверенным шагом он покинул безмолвную обитель.

На востоке из-за края земли медленно выплывал багровый диск солнца, знаменуя начало нового дня.